

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПИСЕМЪ О ВОЕННО-УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХЪ И О ВОЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ. — «МОРСКОЙ СБОРНИКЪ», М 3.

Ф Р А Н Ц І Я.

Мы убѣждены, что чтеніе отчета объ австрійскомъ военномъ законодательствѣ оставило въ читателяхъ «Военнаго Сборника» грустное впечатлѣніе; но теперь мы надѣемся вознаградить ихъ предлагаемымъ отчетомъ о принятой во Франціи системѣ судопроизводства и судопроизводства.

Дѣйствительно, во французскомъ военномъ законодательствѣ, всѣ вопросы, относящіеся къ поддержанію въ войскѣ дисциплины и военного духа, къ системѣ наказаній, наиболѣе приличной для войска, къ формѣ суда, наиболѣе соответствующей военному сословію, — всѣ эти вопросы, повторяемъ, достигли разрѣшенія, которое во многихъ отношеніяхъ, болѣе нежели въ другихъ государствахъ, сходно съ теоретическими выводами юридической науки.

При рѣшеніи, вообще, всякаго рода военно-законодательныхъ вопросовъ, примѣръ Франціи имѣетъ неоспоримый авторитетъ; значеніе, напримѣръ, прусской реформы до сихъ поръ подлежитъ только теоретической критикѣ; достоинство ея еще не оправ-

дано на дѣлѣ. Со времени введенія этой реформы, Пруссія не имѣла еще случая вполне выказать, до какой степени реформа эта имѣла вліяніе на боевое достоинство ея войскъ.

Правда, что послѣ разгрома 1806 года, — разгрома, невозвратно поразившаго и всю старую систему вооруженныхъ силъ Пруссіи, армія ея раздѣляла доблестные подвиги 1813, 1814 и 1815 годовъ; но значеніе ея въ этихъ кампаніяхъ далеко не было первостепеннымъ. Отдѣльной же, самостоятельной борьбы, изъ которой бы она могла вынести убѣжденіе въ собственныхъ силахъ, Пруссія еще не испытала. Да, къ тому же, окончаніе реформы совершилось уже послѣ знаменитыхъ наполеоновскихъ войнъ. Читатели помнятъ изъ предъидущихъ статей, что тѣлесное наказаніе окончательно уничтожено (даже для втораго класса) только въ 1852 году; прочія же части военно-уголовнаго законодательства до сихъ поръ нуждаются еще въ радикальныхъ перемѣнахъ.

Совершенно иначе представляется дѣло во Франціи: тамъ новыя основанія военнаго законодательства уже вкоренились и принесли осязательные плоды, которые весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о достоинствахъ этихъ основаній. Едва ли найдется хотя одинъ военный человѣкъ въ мірѣ, который рѣшился бы оспаривать во французской арміи ея боевое достоинство — окончательную цѣль, къ которой стремится всякое военное законодательство.

Какія же это новыя основанія? и дѣйствительно ли они лучше старыхъ?

Постараемся разсмотрѣть вопросъ этотъ подробнѣе, разлагая его на три вышеозначенные отдѣла, именно: начала, поддерживающія дисциплину, система наказаній за учиненныя преступленія и, наконецъ, самый способъ отправления военнаго правосудія.

Мы должны при этомъ сдѣлать оговорку, что въ дѣйствительности подобнаго разграниченія не существуетъ, по тѣсной внутренней связи, соединяющей между собою эти отдѣлы. Напримеръ, система наказаній не можетъ не имѣть вліянія на дисциплину и, обратно, понятіе о дисциплинѣ и средствахъ поддержать ее въ войскахъ не можетъ не отразиться въ системѣ наказаній. Но, раздѣливши общій вопросъ на три части, намъ будетъ удобнѣе его разсматривать.

Какія же средства считали прежде необходимыми для поддержания дисциплины?

Главнымъ, ежели не исключительнымъ, средствомъ считался страхъ. На страхъ построена была вся система іерархическаго подчиненія. Сила устрашенія должна была постояннно увеличиваться въ отношеніи обратномъ ступенямъ іерархической лѣстницы. Система эта формулировалась, наконецъ, знаменитымъ афоризмомъ: «солдатъ долженъ бояться начальника болѣе, нежели непріятеля». Для воплощенія этой идеи въ дѣло, необходимо, явился цѣлый рядъ жестокихъ дисциплинарныхъ наказаній, помимо всякаго суда, единственно по доброй волѣ начальника. И въ то время это было совершенно логично, потому что, прибѣгая къ посредничеству суда, тѣмъ болѣе при жестокихъ и устрашающихъ наказаніяхъ, назначаемыхъ этимъ судомъ, весь страхъ переносился бы на судъ, личность же начальника, играющая въ процессѣ посредствующую роль, теряла бы много устрашающаго обаянія. Чтобы грома начальства были страшны, нужно было въ тѣхъ же рукахъ оставить и молніи. Эта система пропѣвала отъ ликторскихъ топоровъ до прусскаго Gassenlaufen.

Изъ всѣхъ нравственныхъ свойствъ чловѣка, при этой системѣ, признавался и эксплуатировался одинъ только страхъ. Не будемъ опровергать психологически ошибочности этого взгляда, укажемъ только на послѣдствія его.

Первымъ послѣдствіемъ было то, что служащіе, по врожденному чувству самоохраненія, все вниманіе устремляли въ ту сторону, откуда ждали грозы, думая только какъ бы отъ нея уберечься, и потому не заботились о дѣлѣ, а напрягали всѣ усилія лишь къ тому, чтобы избѣгнуть ответственности. Недалеко еще то время, когда австрійскому генералу страшнѣе было одержать побѣду, отступая отъ инструкціи, чѣмъ быть разбитымъ, буквально и бессознательно исполняя наставленія гофкригсрата. Есть немало примѣровъ и болѣе новыхъ, гдѣ ггло дѣло оттого, что кто нибудь не рѣшался исполнить самой настоятельной, очевидной необходимости, единственно изъ боязни отвѣта.

Подобныхъ явленій нельзя приписать исключительно недостаткамъ личнаго характера тѣхъ, къ кому относится вышесприведенный упрекъ. Нѣтъ, это вина системы. Удивительно ли, что

тамъ, гдѣ прежде нежели озаботятся исправить дѣло, отыскиваютъ виноватаго, чтобы сейчасъ же принести его въ жертву принципу, всякій устраняется даже отъ самой полезной и необходимой инициативы; да не только отъ инициативы: при самомъ исполненіи приказанія обращается вниманіе только на внѣшнюю сторону, а вовсе не на смыслъ его. Что можетъ быть естественнѣе, ежели человѣкъ, находящійся въ такомъ положеніи, начнетъ рассуждать такъ: дѣйствительно, это бы сдѣлать необходимо, польза отъ этого очевидна, успѣхъ почти вѣренъ, всѣ шансы въ пользу успѣха, и онъ уже рѣшается исполнить хорошее дѣло, хотя рискуетъ даже въ случаѣ самаго блестящаго успѣха; но вдругъ приходитъ ему мысль: а какъ не удастся? пропалъ, а развѣ мало примѣровъ, что самое вѣрное дѣло не удавалось. Нѣтъ, ужь лучше подальше отъ грѣха. (Грѣхъ, конечно, отвѣтственность.) Пусть остается, какъ было.... не мое дѣло.... и пр.

Конечно, Брутъ или Катонъ, можетъ быть, такъ и не рассуждали бы, но вѣдь въ арміяхъ европейскихъ служатъ простые смертные, обыкновенные люди, а не такіе, какихъ въ исторіи человечества насчитываются только десятки.

Дарю (Daru, Histoire de Venise) рассказываетъ, что въ Венеціи жестоко наказывали капитановъ погибшихъ кораблей: въслѣдствіе этого капитаны сдѣлались такъ осторожны и такъ нерѣшительны, что не осмѣливались плавать ночью по Адриатикѣ; а это довело флотъ знаменитой республики до совершеннаго ничтожества. Мы ограничимся этимъ отдаленнымъ примѣромъ: онъ слишкомъ достаточенъ, чтобы подтвердить мысль нашу, что подобная система ведетъ къ уничтоженію всякой энергіи, всѣхъ нравственныхъ свойствъ, столь необходимыхъ для армій.

Вотъ первое зло, порожденное этою системою. Въ такомъ видѣ оно обнаруживается болѣе на среднихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы военнотружущихъ.

Ежели система устрашенія такъ дурно дѣйствуетъ на людей, которые, по складу военной службы, должны бы имѣть нѣкоторую самостоятельность, то все-таки, можетъ быть, она дѣйствуетъ хорошо на массу, повинующуюся только, но не имѣющую никакой самопроизвольности?

Не будемъ ставить на видѣ тѣхъ новыхъ положеній тактики,

которыхъ прежде не знали и по которымъ отъ каждой единицы, составляющей армію, требуется извѣстная доля самостоятельности, даже въ самомъ бою. Положимъ, что прежнія тактическія условія не требовали отъ каждаго солдата непременно извѣстной доли самостоятельности, положимъ, что теперешняя тактика требуетъ отъ солдатъ такихъ свойствъ, какихъ не требовалось прежде, но все-таки вездѣ и во всѣ времена отъ каждаго солдата требовалась храбрость въ бою.

La peur n'est pas ce qui fait les braves. Психологическій анализъ непременно подтвердитъ эту истину, очевидную для самаго простаго здраваго разсудка, безъ всякихъ хитрыхъ умышленій. Храбрость есть такое свойство, которое несовмѣстимо со страхомъ, и, упражняя солдатъ постоянно въ чувствѣ страха, едва ли возможно ожидать проявленія храбрости въ извѣстное, данное время.

Афоризмъ, что солдатъ долженъ бояться начальника болѣе, нежели непріятеля, во всѣхъ частяхъ не вѣренъ. Можно ли надѣяться на успѣхъ того охотника, положимъ, который отправляется на волковъ, которыхъ онъ не боится вовсе, но который въ то же время будетъ постоянно озабоченъ боязнью, чтобы не съѣлъ его медвѣдь, котораго онъ очень боится?

Независимо отъ всей несостоятельности этой теоріи, и самыя результаты вовсе ея не оправдываютъ. Нѣкоторые механическіе законы совершенно примѣняются и въ мірѣ нравственности. Извѣстно, что всякое тѣло имѣетъ предѣлъ сжимаемости, за которымъ возбуждается уже или реакція, противодѣйствующая силѣ, или разрушеніе тѣла. Оба эти явленія были бы рѣшительною гибелью для всякой арміи. Исторія подтверждаетъ этотъ законъ, указывая намъ на тотъ фактъ въ Римской имперіи (особенно въ періодъ 30 тирановъ и въ смежныя съ нимъ времена), что наибольшая деморализація арміи совпадаетъ именно съ временемъ самыхъ жестокихъ дисциплинарныхъ наказаній, когда либо существовавшихъ въ легіонахъ.

Итакъ, результатъ системы расходится съ тою задачей, которую полагаетъ себѣ дисциплина; слѣдовательно, ложность основанія весьма логически и фактически оправдывается послѣдствіями.

Теперь посмотримъ, на чемъ основывается новое понятіе о дисциплинѣ и къ какимъ оно привело результатамъ.

Первое положеніе, которое мы здѣсь встрѣчаемъ, совершенно противорѣчитъ тому, что мы видѣли выше: здѣсь говорятъ, что храбрый не долженъ бояться ничего. Постоянный страхъ убиваетъ въ человѣкѣ не только характеръ, но и умственныя способности, находчивость, присутствіе духа, хладнокровіе и прочія свойства, развитіе которыхъ и составляетъ заботу разумно понятой дисциплины; здѣсь говорятъ, что солдатъ тогда только хорошъ, когда онъ дѣйствуетъ не изъ страха, не изъ боязни, когда онъ понимаетъ свое высокое назначеніе, когда онъ сознаетъ, что защищать отечество, охранять въ немъ порядокъ и безопасность гражданъ есть высокій долгъ каждаго гражданина, что его служба, въ ряду прочихъ служеній обществу, а слѣдовательно и государству, занимаетъ самое видное мѣсто. Солдатъ тогда хорошъ, когда онъ сознаетъ свое достоинство, поддерживаемое и возбуждаемое въ немъ еще болѣе почетомъ и оказываемою ему честью; когда онъ знаетъ, что человѣкъ, запятнавшій себя какимъ либо недостойнымъ поступкомъ, не останется въ рядахъ арміи. Но, въ то же время, онъ долженъ знать и то, что особенность столь почетной службы дѣлаетъ необходимыми извѣстныя правила, извѣстный порядокъ, которымъ нужно подчинить свой произволъ. На этомъ и держится строгое отношеніе подчиненности. Мужество солдата является здѣсь, какъ слѣдствіе сознанія собственнаго достоинства, надежды на славу и повышенія. Честолюбіе есть одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ дѣятельности человѣка; умѣть его хорошо направить составляетъ большое искусство, но успѣвшему сдѣлать это можно на него разсчитывать вѣрно.

Подтвержденіе тому мы находимъ у автора писемъ:

«Что составляетъ преимущество и силу французской арміи? Французскіе офицеры, мнѣ кажется—говоритъ онъ—не составляютъ столь рѣзкаго контраста съ офицерами другихъ армій; напротивъ, во многихъ отношеніяхъ справедливо отдаютъ предпочтеніе офицерамъ англійскимъ. Но французскій солдатъ, безспорно, превосходитъ всѣхъ. Каждый изъ нихъ вѣритъ, «qu'il porte son bâton de maréchal»; извѣстенъ характеристическій анекдотъ, когда на вопросъ, кто онъ такой, французскій солдатъ отвѣчалъ: «par la grâce de Dieu et la volonté du peuple, je suis soldat de France». Нельзя отвергнуть, что военное законодательство, и въ особенности военно-пенитенціарная си-

стема играютъ большую роль въ подобной гордости своимъ званіемъ.

Во французской арміи легче всего провѣрить, хороши ли результаты этой системы.

Какъ естественное слѣдствіе этой системы, явилось строгое исполненіе законовъ всѣми служащими, совершенное устраненіе произвола начальника, уваженіе къ личности и огражденіе ея закономъ, уменьшеніе круга дисциплинарныхъ наказаній, совершенное отсутствіе въ нихъ жестокости и оскорбительнаго характера.

Такой порядокъ, возвышающій общій духъ войска, служить сильнымъ возбуждающимъ средствомъ для начальниковъ, для развитія въ нихъ энергіи и способности; они знаютъ, что не страхомъ, а личными своими достоинствами они могутъ импонируютъ солдатамъ, приобрести необходимый для командованія авторитетъ, заслужить уваженіе сослуживцевъ. И солдатъ бросается тамъ въ бой не съ безмысленной апатіей раба, а съ живымъ энтузіазмомъ, чувствуя, что онъ жертвуетъ жизнью для блага отечества, что его мужество наградится одобреніемъ, сивнатіей народа, славой, блестящей будущностью.

Всѣмъ извѣстно вступленіе войскъ въ Парижъ, послѣ окончанія итальянской кампаніи 1859 года: послѣ такого зрѣлища, какое представляла тогда столица Франціи, можно ли предположить, что въ рядахъ вступающихъ войскъ найдется хотя одинъ трусъ?

Впрочемъ, вопросъ о дисциплинѣ и средствахъ къ ея возбужденію слишкомъ обширенъ, чтобы могъ быть исчерпанъ въ нашихъ краткихъ замѣткахъ.

Мы указали только основанія двухъ противоположныхъ взглядовъ на тѣ пути, по которымъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ стремились и стремятся къ достиженію одной и той же цѣли. Но даже и изъ этого краткаго сопоставленія двухъ принциповъ становится яснымъ несомнѣнное превосходство послѣдняго предъ первымъ, такъ что мы вправѣ вывести заключеніе, что дисциплина, достигающая своей цѣли, то есть возвышающая нравственную силу арміи и тѣмъ самымъ сообщаящая ей всѣ необходимыя свойства хорошаго войска, основывается болѣе или менѣе на слѣдующихъ началахъ:

На почетъ военной службы, не только въ собственныхъ

глазахъ служащихъ, но и у согражданъ; на этой идеѣ, слѣдовательно, должны быть основаны всѣ отношенія служащихъ между собою и отношенія различныхъ іерархическихъ степеней.

Въ силу той же идеи, должно быть устранено изъ военного быта все, что только можетъ унижить званіе солдата въ глазахъ согражданъ, такъ чтобы военная служба, доставляя почетъ и преимущества, служила цѣлью стремленій всѣхъ гражданъ.

На возбужденіи сознанія о необходимости и важности военной службы въ ряду другихъ гражданскихъ служеній.

На возбужденіи сознанія долга, лежащаго на всѣхъ принявшихъ на себя доблестное, но трудное военное званіе.

Ясно, что всего этого достигнуть нельзя иначе, какъ поощреніемъ развитія въ солдатахъ умственныхъ способностей и нравственныхъ качествъ; слѣдовательно, мы приходимъ къ тому простому положенію, что главное основаніе дисциплины есть умственное и нравственное развитіе солдата.

Опредѣленіе этого развитія и указаніе средствъ достигнуть его выходитъ изъ предѣловъ нашихъ замѣтокъ; оставляя ихъ въ сторонѣ, перейдемъ къ другому вопросу, занимающему насъ — къ наказаніямъ за преступленія.

Въ каждомъ законодательствѣ, наказанія опредѣлялись на основаніи какой нибудь теоріи. Въ наибольшемъ ходу была теорія, опять-таки, устрашенія. На тѣ случаи, гдѣ дисциплинарныя наказанія оказываются недостаточно страшными для удержанія отъ преступленій болѣе важныхъ, имѣлись наказанія по суду. Наказанія эти должны были, главнымъ образомъ, ужасомъ своимъ удерживать зрителей отъ желанія подражать преступнику, чтобы не подвергнуться такой же участи. Отсюда произошла, во первыхъ, жестокость самыхъ наказаній, во вторыхъ вся отвратительная ихъ обстановка. Нашлись между послѣдователями этой теоріи и гуманисты, утверждавшіе, что такъ какъ главная цѣль наказанія есть страшный примѣръ, то хорошо было бы придумать такое возмездіе за преступленіе, которое бы, при всемъ своемъ внѣшнемъ ужасѣ, дѣйствующемъ на зрителей, причиняло бы преступнику какъ можно меньше дѣйствительнаго зла. Но изобрѣтательность устрашающихъ гуманистовъ не пошла дальше этой теоретической находки: въ дѣйствительности не оказалось ни одного такого наказанія, которыя

бы соединяли въ себѣ такія два противоположныя условія, и гуманистическія тенденціи были принесены въ жертву устрашенію. Такимъ образомъ, уголовные законы, построенные на этой теоріи, имѣли двѣ цѣли: дать возмездіе за преступленіе и въ то же время предупреждать преступленія устрашающимъ призывомъ.

Новѣйшія изысканія криминалистовъ, опираясь съ одной стороны на началахъ философій, съ другой на указаніяхъ опыта, открыли всю несостоятельность такой теоріи.

Во первыхъ, они устранили отъ уголовного законодательства заботу о предупрежденіи преступленій, возлагая ея на отдѣльную область и юридической науки и государственныхъ учреждений; слѣдовательно, устрашеніе наказаніемъ уже слѣдалось неумѣстнымъ въ уголовныхъ кодексахъ. Кромѣ того, они доказали, что подобное средство предупреждать преступленія вовсе непрактично, потому что надежда на утайку преступленія, по крайней мѣрѣ, уравновѣшиваетъ опасеніе наказанія, ежели не совершенно его уничтожаетъ.

Устранивъ отъ уголовныхъ законовъ заботу о предупрежденіи преступленій, возмездіемъ за преступленія, они взглянули на дѣло совершенно иначе. При томъ понятіи о наказаніяхъ, какого держались устрашители, наказаніе имѣло видъ легализированной мести — чувства, отвергаемаго и ученіемъ христіанскимъ и наукой нравственной.

Новѣйшіе криминалисты вопросъ о наказаніяхъ поставили такъ: причина преступленія заключается въ какомъ нибудь нравственномъ поврежденіи субъекта, совершившаго преступленіе.

Общество или государство должно заботиться объ исправленіи этого поврежденія. Слѣдовательно, и наказаніе должно быть такого рода, чтобы оно не только не отымало у преступника возможности къ исправленію, но, напротивъ, оно должно быть нечто иное, какъ только средство къ этому исправленію.

Отсюда возникла новая, такъ называемая *исправительная система*.

По этой системѣ, человѣкъ, уличенный въ такого рода преступленія, которое не оставляетъ возможности предполагать въ немъ исправленія, то есть человѣкъ, который никогда полезнымъ членомъ общества не будетъ, но, напротивъ, будетъ постоянно наносить вредъ этому обществу, долженъ быть удаленъ

навсегда изъ общества. Смертная казнь признается ими, какъ одинъ изъ видовъ избавленія общества отъ вреднаго члена.

Впрочемъ, вопросъ о смертной казни далеко еще не рѣшенъ окончательно. Есть теорiи, отвергающія совершенно этотъ видъ казни, замѣняя его вѣчнымъ изгнанiемъ, вѣчнымъ заточенiемъ и пр.; но въ положительныхъ законодательствахъ, построенныхъ на исправительной теорiи, смертная казнь существуетъ вездѣ и, вѣроятно, будетъ существовать долго. Чтобы основанiя, на которыхъ отвергаютъ смертную казнь, были приняты, предварительно нужны большiя измѣненiя въ условiяхъ общественнаго быта.

Затѣмъ всѣ преступники, въ которыхъ исправленiе признается возможнымъ, должны быть поставлены въ такое положенiе, чтобы ускорить и содѣйствовать этому исправленiю.

Уединенная, сосредоточенная жизнь, сопровождаемая полезнымъ трудомъ—вотъ главнѣйшее условiе, при которомъ можетъ вернуться человѣку нарушенная нравственная гармонiя, отъ которой и произошло преступленiе. Болѣе или менѣе продолжительное келейное заключенiе, соединенное съ болѣе или менѣе тяжелымъ трудомъ—вотъ самый главный видъ наказанiй по исправительной теорiи.

Правда, устрашительная система тоже прибѣгала къ заключенiю, но самый видъ ея заключенiй совершенно отличался отъ исправительныхъ тюремъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и носили названiе «исправительныхъ», какъ, напримѣръ, у насъ исправительныя арестантскiя роты.

Но въ этой системѣ заключенiя упущены изъ вида два обстоятельства, самыя важныя: *уединенiе* и *производительный для самаго преступника трудъ*.

Такого рода тюрьмы, вмѣсто исправленiя, сдѣлались рѣшительно школами безнравственности. Обезпеченные, опозоренные, лишенные надежды на честное примиренiе съ обществомъ, заключенные окончательно разрывали всѣ нравственныя съ ними связи. Озлобленiе рождаетъ въ нихъ презрѣнiе къ закону, къ нравственности; нарушенiе ихъ становится дѣломъ молодечества, чуть не героизма. Кто оказывается болѣе безчувственнымъ къ самымъ тяжелымъ наказанiямъ, кто болѣе бравируетъ ими, тотъ приобретаетъ огромный авторитетъ надъ товарищами; напротивъ, малѣйшее проявленiе раскаянiя считается слабостiю, малоду-

шлемъ, наказывается презрѣніемъ, преслѣдуется насмѣшками. Вокругъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, рассказывающихъ свою, часто ужасную, одиссею, образуется сейчасъ кружокъ молодыхъ, неопытныхъ слушателей, воображеніе которыхъ воспламеняется подвигами разскащика, его стонческимъ пренебреженіемъ казни. Ни одна хорошая склонность человѣка не имѣетъ тамъ пищи; напротивъ, всѣ дурныя страсти возбуждаются въ высшей степени, такъ что результатъ подобныхъ заключеній, по словамъ Бентама, авторитета въ этомъ дѣлѣ, заключается:

- 1) Въ усиленіи побужденій къ преступленію.
- 2) Окончательное уничтоженіе вліянія на преступника тѣхъ средствъ, которыя клонятся къ предупрежденію преступленія.
- 3) Изученіе искусства совершать преступленія.

Результатъ этотъ, истина котораго каждымъ можетъ быть провѣрена, показываетъ, на сколько подобнаго рода заключенія могутъ называться исправительными.

При настоящей исправительной системѣ наказанія, приняты совершенно другія основанія, и результаты поэтому выходятъ иные.

Какъ образецъ исправительныхъ тюремъ, представимъ, слѣдуя за авторомъ писемъ, устройство ихъ во Франціи, гдѣ онѣ достигли наибольшаго совершенства, хотя еще и не представляютъ совершеннаго воплощенія требованій исправительной теоріи уголовного права.

Французскія тюрьмы устроены на двухъ главныхъ основаніяхъ: келейное заключеніе ночью (то есть вовсе не рабочее время) и днемъ работа въ общихъ мастерскихъ, съ сохраненіемъ строгаго молчанія, нарушеніе котораго наказывается одиночнымъ заточеніемъ и во время дня на болѣе и менѣе продолжительный срокъ. Успѣхъ исправленія основанъ на томъ, чтобы дать возможность преступнику успокоиться, углубиться въ самого себя, опомниться и въ то же время пріохотить его къ полезному труду, который и послѣ окончанія наказанія можетъ служить ему средствомъ честнаго существованія и удерживать его отъ новаго преступленія.

Работая усердно—говоритъ авторъ—заключенный улучшаетъ свое положеніе. Благодаря этой системѣ, содержаніе солдата въ тюрьмѣ обходится правительству гораздо дешевле, чѣмъ содержаніе его въ рядахъ арміи, а заключенный, пріохотившись

въ тюрьмѣ къ работѣ, получаетъ навыкъ къ труду, и это способствуетъ исправленію провинившихся.

Въ мастерскихъ, устроенныхъ при военныхъ тюрьмахъ (*ateliers*), производятся какъ самыя простыя работы, такъ и работы, требующія извѣстнаго искусства. Никто не можетъ сказать, что онъ не умѣетъ работать, потому что здѣсь, между прочимъ, дѣлаютъ конверты, плетутъ веревки и проч. Заключенные заняты этими работами десять часовъ въ сутки. Мастерскія общія для всѣхъ; въ нихъ соблюдается молчаніе, каждый занятъ своимъ дѣломъ. Если кто нарушаетъ этотъ запретъ, то въ наказаніе его содержать въ отдѣльной кельѣ нѣсколько дней. Заключенные получаютъ отъ правительства только необходимую для поддержанія жизни пищу, почти то, что у насъ называется третьей госпитальной порціей. Улучшеніе пищи каждаго заключеннаго зависитъ отъ того, хорошо ли онъ работаетъ. Лучшій работникъ зарабатываетъ около 40 коп. сер. въ сутки; частію этихъ денегъ имъ дозволяется располагать ежедневно, то есть покупать говядину, булки, пирожки, даже красное вино въ опредѣленномъ, умѣренномъ количествѣ, табакъ для куренія во время прогулки и проч. Такимъ образомъ, содержаніе тюрьмы составляетъ весьма незначительный расходъ для правительства. Такъ, напримѣръ, въ парижской тюрьмѣ извѣстный фабрикантъ оптомъ законтрактовалъ всѣ издѣлія, которыя будутъ представлены арестантами. Издѣлія эти обходятся ему нѣсколькими процентами дешевле, чѣмъ подобныя издѣлія, доставляемыя свободными работниками: и онъ въ выигрышѣ, и арестанты, и правительство въ выигрышѣ. Въ нѣкоторыхъ военныхъ тюрьмахъ во Франціи устроены мастерскія всѣхъ солдатскихъ вещей: въ нихъ шьютъ мундиры, сапоги, выдѣлываютъ аммуничныя вещи и проч. Фабрикантъ, взявшій на себя поставку этихъ вещей въ казну, также получаетъ ихъ оптомъ (ниже нѣсколькими процентами подобныихъ же издѣлій свободныхъ рукъ).

Такимъ образомъ, во французской военной тюрьмѣ собственная польза арестанта требуетъ, чтобы онъ работалъ усердно. Результаты этой системы прекрасны. Такъ, напримѣръ, всѣмъ памятенъ въ Парижѣ слѣдующій случай: одинъ изъ военно-служащихъ, окончившій срокъ службы, передъ самымъ выходомъ въ отставку сдѣлалъ преступленіе, за которое былъ преданъ суду и приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ. Сначала

работа его шла весьма неуспѣшно: онъ клеилъ конверты, вязалъ шнурки, но проку не было; наконецъ онъ принялся точить — дѣло пошло успѣшно. Фабрикантъ обратилъ особенное вниманіе на его издѣлія и сталъ ему платить дороже, чѣмъ другимъ. Это заставило его заниматься еще съ большимъ усердіемъ. Далѣе фабрикантъ предложилъ ему руководить работами другихъ арестантовъ (быть *contre-maitre*): работы выходили прекрасныя, заключенный оказался просто артистомъ, да притомъ велъ себя примѣрно. Онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на пять лѣтъ, но пробылъ всего половину этого срока, потому что за хорошее поведеніе, по представленію начальника тюрьмы, былъ прощенъ, и фабрикантъ предложилъ ему у себя мѣсто на фабрикѣ. Теперь онъ получаетъ 2,400 франковъ жалованья и благословляетъ судьбу, благословляетъ тюрьму, которая пробудила въ немъ желаніе трудиться и заставила его съ усердіемъ приняться за работу, между тѣмъ какъ, при выходѣ въ отставку, онъ именно не зналъ, что ему съ собой дѣлать.

Ночью всѣ арестанты во французской военной тюрьмѣ содержатся въ отдѣльныхъ кельяхъ. Любо взглянуть на эти кельи во Франціи. Стѣны и полъ ихъ вылощены, выкрашены, изящно убраны. Начальство тюрьмы не только не мѣшаетъ этому, но, напротивъ, поощряетъ арестантовъ. Каждый дѣлаетъ это по своему вкусу. «Привыкнувъ убирать свою маленькую келью, онъ тѣмъ охотнѣе будетъ убирать казарму или хижину, по выходѣ въ отставку», замѣтилъ мнѣ директоръ парижскихъ военныхъ тюремъ, говоритъ авторъ. Это человѣкъ дѣйствительно замѣчательный, какъ по способности къ своему дѣлу, такъ и по добротѣ и сочувствію къ человѣчеству. Неудивительно послѣ того, что парижскія военныя тюрьмы, во всѣхъ отношеніяхъ, достойны подражанія.

Довольно взглянуть на французскія военныя тюрьмы, чтобы убѣдиться въ основательности подобной исправительной системы и въ ея превосходствѣ предъ прочими.

Находяшіеся въ Парижѣ Англичане, полковникъ Гавелокъ (сынъ индѣйскаго героя) и капитанъ Петри, начальникъ военно-статистическаго бюро, осматривали виѣстѣ со мною — говоритъ авторъ—военныя тюрьмы и должны были согласиться, что эти учрежденія гораздо лучше во Франціи, чѣмъ у нихъ. Директоръ парижскихъ тюремъ, капитанъ Лартигъ, съ полной лю-

бовью преданный своему дѣлу, оказалъ мнѣ необыкновенное содѣйствіе для изученія подвѣдомственныхъ ему заведеній; между прочимъ, предоставилъ мнѣ право посѣщать ихъ во всякое время. Становится страшно при сравненіи нашихъ остроговъ или арестантскихъ ротъ съ французскими военными тюрьмами. Въ этомъ отношеніи мы далеко назади. Преимущество французской исправительной системы предъ нашей очевидно наглядно. Спор тутъ быть не можетъ: достаточно только видѣть. Каждый безпристрастный и добросовѣстный человѣкъ согласится на это сразу.

Одно несчастіе этой исправительной системы, котораго, впрочемъ, до сихъ поръ не успѣла избѣгнуть ни одна изъ пенитенціарныхъ системъ, это—онанизмъ, который, по всѣмъ признакамъ, господствуетъ въ тюрьмахъ. Уменьшить до нѣкоторой степени, если не прекратить это страшное зло, разрушающее организмъ заключенныхъ, можетъ директоръ тюрьмы, пользуясь правомъ представлять къ помилованію, то есть къ сокращенію срока заключенія въ половину, и ставя условіемъ, кромѣ хорошаго поведенія, сохраненіе здороваго и свѣжаго вида. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ г. Лартигъ. Натурально, что здѣсь все зависитъ отъ личности директора и отъ умѣнья его приобрести нравственное вліяніе на заключенныхъ.

Онанизмъ до такой степени страшенъ, что рождается мысль: не лучше ли, чтобы заключенные, въ извѣстные сроки, напримеръ, разъ въ мѣсяцъ, имѣли сообщеніе съ публичными женщинами, приводя послѣднихъ съ этою цѣлью въ тюрьму, подъ видомъ уборки комнатъ или чегонибудь подобнаго? Я слышалъ мнѣнія и pro contra. Противники боятся, чтобы это не нарушило порядка и благочинія въ тюрьмѣ. Я не беру на себя—говорить авторъ — рѣшить столь щекотливый вопросъ, и одно только повторяю: еслибъ не онанизмъ, французскія военныя тюрьмы представляли бы лучшую школу для пріученія людей къ работѣ, къ труду. Лучшая, по моему мнѣнію, система, это именно та, которая принята въ Парижѣ: работа въ общихъ мастерскихъ днемъ, ночью заключеніе въ отдѣльныхъ кельяхъ; во время сбора молчаніе, кромѣ часовъ, назначенныхъ для прогулки.

Гуманность г. Лартига, его старанія и заботы о заключенныхъ, желаніе способствовать ихъ исправленію, его желаніе пре-

дупредить всѣ дурныя слѣдствія одиночнаго заключенія (такъ, напримеръ, его опасенія объ онанизмѣ) приводятъ насъ на память англійскихъ директоровъ тюремъ (governors of the military prisons). Все это люди въ высшей степени акуратные, честные. Въ матеріальномъ отношеніи, содержаніе англійскихъ тюремъ очень хорошо, все дѣлается какъ въ заведенной машинѣ. Но въ англійской тюрьмѣ на человѣка именно смотрятъ, какъ на машину. Governors—автоматы, ихъ помощники — автоматы, заключенные—автоматы. Пробывши нѣсколько часовъ въ англійской тюрьмѣ, становится страшно. Во французской вы чувствуете, что вы между живыми людьми, что здѣсь люди чувствуютъ и страдаютъ и что имъ сочувствуютъ.

Эта картина французскихъ военно-пенитенціарныхъ тюремъ гораздо лучше всякихъ теоретическихъ доказательствъ выказываетъ превосходство исправительной системы предъ устрашающей.

Ученые криминалисты имѣютъ на это весьма много доказательствъ; но мы не будемъ пользоваться ими, вполне сознавая достаточность тѣхъ доказательствъ, которыя представили выше.

Выпишемъ еще одно замѣчаніе, которое авторъ дѣлаетъ о вліяніи военныхъ тюремъ.

Тюремное заключеніе, соединенное съ обязательнымъ трудомъ, сильнѣе дѣйствуетъ на самыя грубыя натуры, чѣмъ тѣлесное наказаніе. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ туземцы въ Алжирѣ, которые болѣе боятся умѣренного, справедливаго, но бдительнаго преслѣдованія французскихъ кодексовъ и содержанія въ наказаніе во французскихъ тюрьмахъ, устроенныхъ со всевозможными удобствами, чѣмъ пытокъ, бичеваній и свирѣпыхъ казней, прежде у нихъ господствовавшихъ.

При системѣ тюремнаго заключенія, военноуголовные кодексы вездѣ, въ видѣ угрозы, назначаютъ смертную казнь. Но угроза эта въ весьма рѣдкихъ случаяхъ исполняется. Такъ, напримеръ, въ 1857 году, казненъ во Франціи одинъ военный, въ 1858 году также одинъ. (Въ 1857 году введенъ новый кодексъ.) Изъ разсмотрѣнія отчетовъ военнаго министерства съ 1832 года, оказывается, что, среднимъ числомъ, подвергалось около пяти человѣкъ военнослужащихъ ежегодно смертной казни; все это большею частію происходило въ Алжирѣ, гдѣ, какъ

извѣстно, вся почти страна состояла на военномъ положеніи. Слѣдовательно, возраженіе, что во Франціи нѣтъ тѣлесныхъ наказаній, но за то стрѣляютъ людей какъ птицъ, совершенно неосновательно. У насъ иногда возражаютъ, что если уничтожить тѣлесное наказаніе и установить смертную казнь въ мирное время (въ извѣстныхъ важнѣйшихъ случаяхъ), Государю Императору будетъ весьма тяжело и непріятно утверждать, подобно тому, какъ это дѣлается во Франціи, ежегодно извѣстное число приговоровъ. И это возраженіе неточно. Государь во Франціи не утверждаетъ смертныхъ приговоровъ, но иногда не милуетъ: «il laisse un libre cours à la justice» (см. l'ordonnance 1 апрѣля 1842 года). Смертная казнь во Франціи назначается военнымъ судомъ, и потому-то одинъ изъ его членовъ долженъ непремѣнно присутствовать при исполненіи смертнаго приговора. Государь во Франціи можетъ помиловать и не помиловать. Для этого приговоры, опредѣляющіе смертную казнь, доводятся до свѣдѣнія императора.

Къ справедливому замѣчанію автора прибавимъ, что и въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ еще тѣлесныя наказанія и нѣтъ исправительныхъ тюремъ, случаи, въ которыхъ государи поставляются въ грустную необходимость подписывать смертные приговоры, встрѣчаются не рѣже, чѣмъ во Франціи.

Теперь посмотримъ, какія измѣненія въ самомъ отправленіи военнаго правосудія сдѣлались необходимы, вслѣдствіе юридическаго опыта и теоретическихъ изысканій.

Прежде вездѣ военные суды были въ большой зависимости отъ начальствующихъ лицъ, предававшихъ суду.

Ясно, что, при отношеніяхъ подчиненныхъ къ начальникамъ, существовавшихъ на основаніи старыхъ понятій о дисциплинѣ, эти послѣдніе имѣли весьма сильное вліяніе на дѣйствія и рѣшенія судовъ. Вліяніе это очень облегчалось таинственностію, какою прикрывались судебныя дѣйствія. Таинственность основывалась на опасеніи, чтобы публичнымъ обнаруженіемъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей преступленія не распространять слава. И здѣсь видно то же презрѣніе къ людямъ, которое породило систему устрашенія.

На людей смотрятъ здѣсь, какъ на животныхъ, способныхъ воспринимать только дурное, отвергая тотъ несомнѣнный фактъ, что общественная совѣсть не менѣе, а часто гораздо болѣе

нецелесообразна совѣсти индивидуальной. Всякій порокъ, всякое умышленное нарушение законовъ нравственности возбуждаетъ въ ней отвращеніе, которое, до извѣстной степени, можетъ служить обуздывающей силой для склонныхъ къ преступленію. Опытъ доказалъ, какъ много страшныхъ злоупотребленій происходило отъ такой зависимости суда, а наука доказала, что это прямо противно юридической аксіомѣ, по которой никто въ своемъ дѣлѣ не можетъ быть судьей. Начальники, представляя собою законъ, за нарушение котораго предають суду, становятся, такимъ образомъ, одной стороною въ дѣлѣ — стороною обвинительною, а при вліяніи ихъ на суды, эта сторона *de facto* дѣлается судьей. Въ такомъ случаѣ, судъ, имѣющій задачей изслѣдовать совершенное преступленіе и на этомъ основаніи обвинить или оправдать подсудимаго, становится только одною внѣшнею формальностію. Нельзя предположить, чтобы, при малѣйшей послѣдовательности въ начальникѣ, онъ отдавалъ подъ судъ подчиненнаго, считая его виновнымъ, а судя его, призналъ невиннымъ.

Это привело къ убѣжденію о необходимости независимаго и самостоятельнаго суда, т. е. суда, изъятаго отъ всякаго посторонняго вліянія и руководящагося только совѣстію и закономъ положительнымъ.

Извѣстно, что самый судъ есть уже второй актъ судебной процедуры; ему предшествуетъ разъясненіе дѣла, слѣдствіе.

Слѣдствіе служитъ основаніемъ суду; оно представляетъ ему тѣ данныя, на которыхъ онъ основываетъ свои рѣшенія. Отсюда явствуетъ вся важность этого дѣйствія. При старой процедурѣ, оно подвергалось также вліянію начальниковъ, и въ безпристрастіи его, равно какъ и суда, не было другой гарантіи, кромѣ совѣсти отдѣльныхъ лицъ, а такая гарантія, часто, особенно въ подобныхъ случаяхъ, представляетъ весьма плохой оплотъ для справедливости. Независимость и самостоятельность слѣдствія оказались необходимы.

При той же старой процедурѣ, подсудимому дозволялось приводить въ свое оправданіе различныя обстоятельства; но это давало ему весьма мало шансовъ доказать свою невинность или, по крайней мѣрѣ, уменьшать виновность. Борьба его съ слѣдователемъ или судьями весьма неравна. Оставляя въ сторонѣ неравенство образованія и развитія, встрѣчающееся въ огромномъ

большинствѣ случаевъ между подсудимыми и судьями, самое положеніе обѣихъ сторонъ совершенно различно. Въ то время, когда слѣдователь или судья имѣетъ возможность заблаговременно и хладнокровно обдумать планъ нападенія, подсудимый, часто лишенный даже средствъ выставить всѣ оправдательныя обстоятельства, долженъ отвѣчать вдругъ, безъ приготовленія, часто не имѣя времени припомнить что нибудь и сообразить свои отвѣты. Это дѣлало положеніе подсудимыхъ еще ужаснѣе, тѣмъ болѣе, ежели припомнимъ, что при инквизиціонномъ судѣ часто встрѣчалось, что не судъ доказывалъ виновность подсудимаго, а подсудимый долженъ былъ доказывать свою невинность.

Чѣмъ больше сталъ уясняться взглядъ на правосудіе, чѣмъ большей разработкѣ подверглись самыя коренныя его основанія, тѣмъ болѣе старая процедура оказывалась несостоятельною по всѣмъ частямъ своимъ. Для того, чтобы сколько нибудь уравновѣсить шансы подсудимаго передъ судомъ, оказалось необходимымъ ввести въ процедуру новый элементъ—защиту.

Мы видѣли изъ двухъ предъпущихъ статей, на сколько соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ военныя суды Пруссіи и Австріи; посмотримъ теперь, какъ выразились во французскомъ судопроизводствѣ новыя юридическія начала.

Авторъ писемъ говоритъ: для того, чтобы вполне безпристрастно разясненное дѣло было представлено въ военный судъ, необходимо, чтобы слѣдователемъ было лицо, независимое отъ непосредственнаго начальника той части, къ которой принадлежитъ подсудимый. Цѣль эта достигается во Франціи тѣмъ, что слѣдователь (*garroteur*) при каждомъ военномъ судѣ *назначается военнымъ министромъ и непосредственно отъ него зависитъ.*

Лицо, которое во имя закона обвиняетъ подсудимаго, тѣмъ болѣе должно быть независимо отъ непосредственнаго начальника части, къ которой принадлежитъ подсудимый. Цѣль эта достигается также во Франціи тѣмъ, что военный прокуроръ—*commissaire imperial* — *назначается военнымъ министромъ и непосредственно отъ него зависитъ.*

Отъ этихъ двухъ лицъ: слѣдователя и военнаго прокурора (*garroteur, commissaire imperial*), главнымъ образомъ зависятъ правильное веденіе военно-судныхъ дѣлъ, и потому они должны быть къ тому достаточно подготовлены.

Для того, чтобы вполне разъяснить каждое военно-судное дѣло, необходимо, чтобы человекъ столь же образованный, какъ и обвинитель, высказалъ добросовѣстно все, что можно сказать въ пользу обвиненнаго. Цѣль эта достигается во Франціи установленіемъ защитниковъ (defenseurs). Необходимость этого учрежденія признана была еще Барклаемъ-де-Толли и Императоромъ Александромъ I, вслѣдствіе чего защитники введены у насъ по полевому уложенію. Законъ этотъ не остался вездѣ мертвой буквой. Въ корпусѣ одного изъ образованнѣйшихъ генераловъ, князя Воронцова, постоянно почти (до 1818 года) при рѣшеніи военно-судныхъ дѣлъ назначались защитники (архивъ Аудиторіатскаго департамента).

Наконецъ убѣдились, что бюрократическій способъ наименѣе соответствуетъ отправленію суда. Фоліанты исписанной бумаги, по которымъ нужно изучать дѣло, весьма затрудняютъ судью добросовѣстнаго; для менѣе добросовѣстныхъ они служатъ оправданіемъ ихъ бездѣйствія, при чемъ, конечно, и вліяніе ихъ въ судѣ ограничивается, такъ что дѣло рѣшается иногда однимъ человекомъ, хотя подписываютъ его многіе, какъ мы видѣли это въ процедурѣ прусской.

Итакъ, вотъ главныя требованія, которыя предлагаетъ наука всякому правильному суду:

Независимость и самостоятельность; гласность и устность, наконецъ защита.

О гласности не только въ судопроизводствѣ, но и во всей администраціи у насъ, въ послѣднее время, писали такъ много, что намъ здѣсь не зачѣмъ повторять уже слишкомъ извѣстныхъ вещей. Гласность въ судопроизводствѣ сдѣлалась одной изъ аксіомъ науки; но мы не можемъ пройти молчаніемъ одного возраженія противъ гласнаго судопроизводства, которое менѣе опытнымъ людямъ можетъ показаться, до нѣкоторой степени, основательнымъ. Возраженіе это заключается въ томъ, что присутствіе публики стѣсняетъ свободу судей, что судъ находится подъ вліяніемъ извѣстнаго рода гнета, производимаго присутствіемъ большаго числа зрителей.

Въ сущности возраженіе это вовсе несправедливо: во первыхъ потому, что публика, связанная извѣстными правилами, установленными для присутствія при отправленіи суда, не можетъ непосредственно дѣйствовать на судей; что же касается

нравственной прессіи, то она не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ пользу справедливости, слѣдовательно, допуская даже вліяніе этого нравственнаго, какъ выражаются, насилія, оно является одной изъ гарантій правильнаго приговора.

Къ тому же, въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ произнесеніе приговора объ участи человѣка, — участи, непременно связанной съ судьбою десятковъ другихъ лицъ, грѣшно и безчеловѣчно было бы руководиться однимъ только холоднымъ расчетомъ. Какъ бы низко ни упалъ человѣкъ, но въ немъ все же остаются извѣстныя свойства, возбуждающія къ нему участіе, и истинно благородный и гуманный человѣкъ всегда подмѣтитъ эти стороны. Но эти стороны гораздо рѣзче бросаются въ глаза большой массѣ зрителей, которая можетъ обратить на нихъ вниманіе и судей.

Представивъ главныя основанія французскаго военно-уголовнаго законодательства, при чемъ, какъ замѣчено нами было въ первой статьѣ, онъ обращаетъ главное вниманіе не на мелочныя подробности, но на общій духъ, характеръ законовъ, авторъ дѣлаетъ сравненіе между судьями англійскими и французскими. Каковы бы ни были институціи, какъ бы они ни были хорошо соображены съ отвлеченными началами науки, но характеръ народа всегда найдетъ возможность ввести въ нихъ соотвѣтствующія ему модификаціи.

Вотъ это сравненіе: французскія судебныя учрежденія во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ полнаго вниманія; видно, что ихъ создавали великіе мыслители. Но люди во Франціи, по своимъ личнымъ качествамъ, часто не соотвѣтствуютъ достоинствамъ учреждений: «ils ne sont pas à la hauteur de leurs institutions». Въ продолженіе кратковременнаго пребыванія моего во Франціи, я имѣлъ уже случаи въ этомъ убѣдиться.

О законахъ говорить нечего. Англійское военно-уголовное законодательство безконечно ниже французскаго. Но англійскіе военные судьи, говоря вообще, выше французскихъ.

Англійскіе офицеры, засѣдающіе въ военныхъ судахъ, въ высшей степени порядочные люди. Въ этомъ отношеніи они вправѣ сказать: нашъ судья — «is a very gentleman». Я говорю вообще, въ обыкновенныхъ случаяхъ. За то Француза гораздо легче тронуть, наэлектризовать, чѣмъ Англичанина, и тогда онъ способенъ сдѣлать прекраснѣйшее дѣло — il peut être sublime.

Итакъ, говоря вообще, исключая рѣдкіе случаи, обвиненный долженъ бы желать быть судимымъ по французскимъ военнымъ законамъ, но англійскими судьями. Англійскій военный судья гораздо болѣе независимъ и самостоятеленъ, чѣмъ французскій. Англичанинъ не покривитъ душою; дѣйствительно «that is a very gentleman». За то онъ едва ли способенъ быть столь гуманнымъ, какъ Французъ. На дняхъ я былъ свидѣтелемъ — говорить авторъ — рѣшенія важнаго уголовного дѣла во 2-й военно-судной комиссіи въ Парижѣ, которое дѣлаетъ величайшую честь французскимъ военнымъ судьямъ. Это дѣло капрала Овиня. Оно, кромѣ драматической стороны, исполнено еще и глубокаго юридическаго смысла.

Вотъ въ чемъ заключался процессъ:

Капралъ 48-го пѣхотнаго полка Овинъ бѣжалъ изъ мѣстоназначенія полка, унесъ съѣстныхъ деньги (l'ordinaire), которыхъ былъ распорядителемъ, явился въ домъ къ дѣду своей возлюбленной Клотильды Пило, и когда тотъ отказалъ допустить его къ свиданію съ внучкой, потому что Овинъ не скрывалъ намѣренія лишить себя и свою возлюбленную жизни, молодой человекъ выхватилъ два пистолета и выстрѣлилъ почти въ упоръ въ старика; къ счастью, онъ лишь легко его ранилъ и послѣ того тутъ же былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ, тутъ же сознался, что намѣренъ былъ убить Клотильду и лишить себя жизни.

Слѣдовательно, *flagrant délit-assassinat avec préméditation*, да тутъ же онъ сознался, что унесъ деньги съѣстныхъ (ordinaire), которыхъ былъ распорядителемъ (*dont il était comptable*), поддѣлалъ фальшивыя подписи на бланкѣ отпуска, въ счетныхъ книгахъ и проч. (для того, чтобы бѣжать).

Преступленіе было явное. Военный прокуроръ (*commissaire impérial*) обвинилъ Овиня въ покушеніи на преднамѣренное смертоубійство, въ подлогѣ, въ кражѣ и побѣгѣ и требовалъ примѣненія къ нему 2, 296, 297 и 302 ст. общаго уголовного кодекса, т. е. требовалъ, чтобы судъ приговорилъ Овиня къ смертной казни. Держась буквы закона, такъ и слѣдовало быть.

Клотильда Пило была свидѣтель. Ея мать умерла: Клотильда была въ траурѣ. Она была спокойна, — спокойна какъ люди, которые присутствуютъ при смерти самаго близкаго существа; она, казалось, присутствовала не при судѣ, но при

казни своего возлюбленнаго; голосъ ея сначала дрожалъ, но она превозмогла надъ собою и стала говорить внятно.

Вся кровь ея прилила къ лицу, но, повторяю, она владела собою.

Стенографы были смущены; всѣ обратили на нее вниманіе, и потому вопросы и отвѣты переданы въ протоколахъ не вполне вѣрно.

— Знаете ли, сказалъ президентъ, обращаясь къ ней: — страшное убійство готово было совершиться: Овинъ посягалъ на вашу жизнь.

— Нѣтъ! онъ не хотѣлъ убить меня: я сама хотѣла убить себя его рукою.

— Вы должны благодарить Провидѣніе, что вы спасены.

— Нѣтъ, я сожалею: мнѣ жизнь въ разлуку съ нимъ въ тягость.

— Вы читались романовъ, дурныя книги этому причиною.

— Нѣтъ, г. президентъ, не книги, но несчастіе! Мы не имѣли средствъ существовать безбѣдно, и мои родные не дозволяли мнѣ выйти за него замужъ.

— Вы должны его презирать: онъ васъ лишилъ невинности.

— Я его люблю.

— Развѣ онъ имѣлъ поводъ жаловаться, подозрѣвать васъ и потому хотѣлъ убить?

Клотильда всхлынула, зашаталась, но, думая, что клеветой на себя облегчить судьбу возлюбленнаго, сказала.

— Да, можетъ быть.

Всѣ были въ высшей степени тронуты.

Я понялъ въ эту минуту французское *frémissement*, — горячее, гуманное, сердечное *frémissement*.

Одинъ президентъ велъ себя неприлично и довольно неделикатно продолжалъ цытать несчастную жертву.

Публика молчала, но казалось, что всѣ изнывали въ тяжкомъ роковомъ ожиданіи. Всѣ судьи, кромѣ президента, держали себя съ достоинствомъ.

Адвокатъ дурно защищалъ дѣло и говорилъ пустыя, общія фразы.

Тяжело было и грустно. «Не то, не такъ», раздавалось шопотомъ въ публикѣ.

Наступаетъ страшная, торжественная минута; выходятъ судьи

сообщаться; Клотильду уговариваютъ, чтобы она вышла на свѣжій воздухъ. Она скрестила руки, стоитъ возлѣ колонны и говоритъ: «оставьте меня, я готова», и страшно какъ-то говорить эти слова: «я готова».

Наступаетъ роковая развязка, судьи выходятъ, и президентъ читаетъ:

Было ли преднамѣреніе къ убійству?

Единогласно: нѣтъ!

За побѣгъ судъ приговариваетъ Овиня къ трехлѣтнему тюремному заключенію (это значитъ 18 мѣсяцевъ, если будетъ хорошо вести себя).

Клотильда вскрикнула отъ радости; пурпуровая, лихорадочная краска на лицѣ ея исчезла: она поблѣднѣла страшно.

Почти шатаясь, вышла она изъ залы засѣданій.

Народъ окружилъ ее.

— Вы спасли человѣка, говорили ей незнакомые люди, пожмая крѣпко, братски руку: — дай Богъ, чтобы онъ былъ вась достоинъ.

Въ эту минуту жандармы вели Овиня въ залу засѣданій, чтобы выслушать чтеніе приговора.

Клотильда бросилась къ нему.

Стража приостановилась. Никто не смѣлъ мѣшать этому изліянію чувствъ. Они бросились другъ къ другу въ объятія и долго, долго такъ оставались.

Какъ хороши были лица судей! они чувствовали, что сдѣлали доброе, честное дѣло.

«Совѣсть человѣка выше буквы закона» — вотъ лозунгъ англійскихъ судей. Лозунгъ этотъ часто дремлетъ, но иногда въ торжественныхъ случаяхъ съ удивительной силой пробуждается въ душѣ Француза.

Весь Парижъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ. Сказываютъ, что Императоръ намѣренъ помиловать Овиня и что онъ вскорѣ сочтается съ Клотильдою бракомъ.

«Дай Богъ, чтобы онъ былъ ея достоинъ.»

И мы повторимъ вслѣдъ за авторомъ это желаніе, присовокупляя убѣжденіе, что желаніе наше исполнится. На испорченнаго даже человѣка ничто такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ примѣръ высокаго, благороднаго самоотверженія. Никакая казнь не въ состояніи была бы произвести на Овиня такого благотельнаго вліянія, какъ оправданіе его въ главномъ, по крайней

мѣръ, обвиненіи. Человѣкъ, получившій такой нравственный урокъ, едва ли можетъ сдѣлаться преступникомъ.

Намъ остается еще письмо изъ Англіи, послѣ котораго мы представимъ читателямъ главные выводы, какіе сдѣлалъ авторъ изъ изученія военно-уголовныхъ законодательствъ главнѣйшихъ государствъ Европы, и тѣ соображенія, которыя онъ предлагаетъ для примѣненія къ нашему военному законодательству истинъ, повѣренныхъ уже опытомъ.

Но это мы отлагаемъ до слѣдующаго номера.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)
